

Феликс Гойхман

Но если музыка жива

Кажется...

Ночью немного странным
кажется все кругом,
кажется бездыханным
наш многолюдный дом.

Лампа чадит немного,
кажется, на беду
бабочка недотрога
прячется на виду,

Кубарем, неуклюже
крылышками семени,
без интереса, вчуже
смотрит она на меня.

Мечется тень по стенам,
словно душа, легка.
Кажется незабвенным
шорох издалека.

* * *

Среди толпы и суеты
ты – компас мой и теорема,
и если б не твои черты,
я не узнал бы наше время.

Но если музыка жива,
из песни выпадут слова,
из пепла пламя возгорится,
и наше время повторится.

Стрелочник

В мареве жаркой ночи
спать не могу, горю,
выйду из спальни молча,
тихо дверь притворю,

Скупю пахнув прохладой,
свежесть сойдет на нет.
Лучше бы было правдой
то, что грядет рассвет.

Мне темнота постыла,
как нищета и страх,
и тишина застыла
стрелками на часах.

Сдвиги едва заметны
времени колеса,
памяти злые ветры
пробуют голоса.

Где-то плывут зарницы –
тысячи мегаватт.
В том, что душа – не птица,
Стрелочник виноват.

Он никому не виден
и не исповедим,
и не сидит он сиднем,
времени господин.

Ходит и ходит по небу,
и не находит приют.
Это ему на потребу
черные ветры поют.

Где-то вступают тучи
в траурный хоровод.
Жизнь – это частный случай,
вечности поворот.

В этой игре навывлет
Стрелочник ходит вспять:
то ли петлю намылит,
то ли отправит спать.

Занавеска

Это пустое место:
стены и потолок,
на окне – занавеска,
как «живой» уголок.

Ни стыда, ни секрета
под луной проливной –
занавески и ветра
полонез продувной.

Эротизм этой пары
объяснят колдуны:
потаенные чары
полоумной луны.

Нежит, словно голубку
кавалер-удалец,
то ныряет под юбку,
то срывает с колец,

то с лукавой ухмылкой
тянет песни свои
о превратностях пылкой
негасимой любви,

что закончится жалко,
гробовою доской,
а пока аморалка
под луной колдовской.

Королева

Ночи прозрачное чрево,
гибельный звездный тупик.
Где ты, моя королева,
в доме червей или пик?

Где тебя носит, родная,
что у тебя на уме?
Звезды горят, не сгорая,
не исчезая во тьме.

Израиль

